

Познакомились они во Владивостоке, в санатории ветеранов вооружённых сил, куда приехали отдохнуть, поправить здоровье. Бывший комбат–морпех подполковник Александр Щеглов из Томска и капитан первого ранга Илья Синельников, командир атомной подводной лодки, тоже бывший, из Омска. На льду Амурского залива земляки–сибиряки зимними удочками ловили мелкую корюшку, пахнущую свежими огурцами. Возле каждого из них лежала кучка серебристых рыбёшек, но Щеглов недовольно ворчал:

— Ну, что это за рыбалка... Вот у нас — да–а... Поймаешь на крючок — так еле вытащишь...

— У вас — это где? — поинтересовался Синельников.

— На севере Томской области. Про Нарым слышал?

— В прошлом — край ссыльных и каторжников? Чего тебя туда занесло?

— Квартира и семья у меня в Томске. После увольнения в запас устроился на работу в областную инспекцию рыбоохраны. Люблю настоящую охоту и рыбалку. Сбылась мечта детства... Знаешь, какие у нас щуки?! Во! — широко раскинул руки Щеглов. — А нельма?! Во!

У Синельникова глаза разгорелись.

— Да ты что?! Я тоже страсть как люблю рыбачить спиннингом. Да только в нашем Иртыше последнее время всё больше мелкие окуньки ловятся. А так хочется порыбачить где-нибудь в глухой, непохожей тайге...

— Нет проблем! Валяй в гости ко мне. На остров Дикий увезу. Там за сотню вёрст кругом нога человека не ступала. Таких щучар потаскаешь! Пятнистых, зубатых, здоровенных! Глянешь на них — леопарды, а не щуки! Заодно свежепосоленную стерлядку отведаешь. Муксуна копчёного. Обедение! А с водочкой... М-м...

— Ладно... Не трави душу...

За утренним чаем офицеры–пенсионеры оживлённо беседовали, вспоминая годы военной службы, всё чаще возвращаясь к теме охоты и рыбалки.

— Так ты, того, Илья... Приезжай, — настаивал Щеглов.

— Приеду, Саня... Обязательно приеду погонять твоих речных леопардов, — обещал Синельников.

И вот приятели снова вместе. На сей раз не в роскошном номере санатория, а в прыгающей по обским волнам синей «Казанке», мокрые от брызг, радостно возбуждённые встречей и бешеной гонкой. Гул дюралевой лодки всё нарастал, приближаясь к лесистому острову, окаймлённому непроходимыми тальниковыми джунглями. За ними высились островерхими вершинами тёмно–зелёные ели и пихты.

— Старожилы говорят, что в сталинские времена здесь был лагерь для репрессированных, — направляя лодку между залитыми половодьем кустами, прокричал Щеглов. — Дикое место... Безлюдное...

Щеглов сбавил обороты двигателя. В камышовых плавнях, среди вековых тополей вдруг показалась неказистая изба. Скрытая со стороны реки густыми зарослями ивняка и черёмухи, она мрачно чернела потемневшими от сырости стенами. Мотор стих, и камыш зашуршал, рассекаемый носом лодки, оставлявшей позади стреловидный след. Лодка глухо стукнулась о торчащие из воды толстые пни спиленных деревьев, служащих сваями для постройки на них рыбацкого зимовья. Узкий настил из жердей окружал избу, глядевшую на крутой берег небольшим оконцем. Пологая крыша, застланная дёрном, поросла травой. Мох клочьями нависал над дверью, грубо сколоченной из горбыля. Из жестяной трубы вился сизый дымок. На кольях, приставленных к стене, сушились сети с остатками на них чешуи. Топор воткнут в сосновую чурку. В ведре, выплёскивая воду, билась рыба. Между сваями, под настилом, шевелимый течением, покачивался лёгкий обласок — узкая лодка, выдолбленная из цельного ствола лиственницы.

— Здесь и заночуем, — подвязывая «Казанку» к настилу, проговорил Щеглов, одетый в камуфлированные брюки, кепку и куртку, в отвороте которой синели полоски морской тельняшки. Экипировку рыбинспектора дополняли сапоги-болотники, карабин и охотничий нож на поясе. Щеглов подхватил рюкзак, карабин и, понизив голос, добавил:

— Хозяин зимовья — диковатый с виду старикашка... Человек без паспорта... Без пенсии... То ли боговерующий отшельник, то ли просто сбежал от мирской суеты... Обитает здесь давно, — пояснил Щеглов, — о себе не рассказывает... Живёт затворником...

— Может, от правосудия скрывается?

— Какая сейчас разница? Если и было что — за давностью лет к ответственности не привлекут. А расспрашивать о личном в тайге не принято... Осторожно, товарищ капитан первого ранга! Лодку перевернёте! Это вам не атомная субмарина! — с усмешкой проговорил Щеглов, намекая на тучность фигуры Синельникова.

— Хорошего человека должно быть много, — в тон ответил Синельников, по флотской привычке широко расставляя ноги в новеньких ботфортах. Волевое лицо, оранжевый прорезиненный костюм и такая же шляпа, японский спиннинг с автоматической катушкой, бинокль в футляре и фляга в кожаном чехле выдавали в нём человека обеспеченного, уверенного в себе. В свои семьдесят лет, несмотря на полноту, бывший подводник был достаточно силён, чтобы с размаху зашвырнуть тяжеленный рюкзак на возвышающийся над лодкой настил. «Казанка» накренилась под грузным телом, когда обладатель живота, обтянутого тельняшкой, встал, чтобы выкарабкаться на борт. К удивлению спортивно сложенного Щеглова, бывший командир атомохода довольно легко, с придыхом, взмахнул на помост. Расправил плечи, распростёр руки к неведомой шири дремучей тайги, холмообразно уходящей вдаль, и зычным голосом продекламировал:

— Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!

Зачарованно глядя на полыхающее пожаром зарево заката, Синельников восторженно произнёс:

— Видел северное сияние и отливающую изумрудной зеленью океанскую гладь, лазурь голубого неба над ней и пурпурные закаты в тропических морях, но дивную картину сибирских плёсов с ними не сравнить! Красотища!

— Да ты поэт, Илья, — с улыбкой сказал Щеглов, выбираясь из лодки. — Погоди... С утраца, как поплывёт над рекой прозрачной дымкой розоватый туман, и лесу твоего

японского спиннинга, дрожащую от напряжения, туго натянет зубастая хищница, вот тогда, скажу тебе, будет настоящая красотища...

— Ладно, Санёк... Не томи... Веди скорее к своему отшельнику... Намекни: в долгу не останусь...

— Это лишнее, Илья... Старик добрый... С виду только хмурый и неприветливый... И не с пустыми руками явимся... Что он просил, я привез...

Дверь скрипнула на ржавых петлях. В щель между ней и косяком из-под мохнатых бровей насторожённо смотрели пытливые глаза. Они мельком глянули на рыбинспектора и обеспокоенно забегали по чужаку, пристально наблюдая за ним.

— Свои, дед Михаил... Отворяй, не бойсь, — громыхнул о порог прикладом карабина Щеглов. — Хлеба тебе свежего пять буханок привез. Сахар, муку, гречку, овсянку, растительное масло, лекарства, какие наказывал...

— Дрожжи не забыл? — послышался хриплый голос.

— Две пачки, — рассмеялся Щеглов.

Дверь распахнулась. В тёмном проёме показалась чуть согбенная фигура старца. Всклоченные седые волосы, борода и усы, почти скрывающие морщинистое лицо, прикрытые нависшими бровями острые, сверлящие глаза. В колючем их взгляде застыл испуг. Жилистые руки, торчащие из рукавов клетчатой, навыпуск, рубахи, заляпаны известью: старик подбеливал печь.

— Здравствуйте, дедушка, — почтительно поздоровался Синельников, протягивая для приветствия руку, но хозяин зимовья оставил этот жест без внимания. Серdito фыркнул:

— Хм... У тебя у самого башка как у луна белая... И пузень... То же мне... Внучек ссыкался... Или я тебя ещё будучи ребёнком зачал? Чего стоите, коль приехали? Проходите в избу... Ужинать будем... Ушица поспела, — пробурчал он. Бывший комбат ободряюще подмигнул бывшему командиру атомохода: мол, всё в порядке. И шепнул:

— Не бери в голову закидоны старика. Он с виду всегда сумрачный такой, но в душе добрый.

Дед Михаил, не заглядывая в мешок с привезённым провиантом и медикаментами, безразлично забросил его в чулан. Казалось, без особого расположения к неожиданным гостям, незаметно озираясь на незнакомца, старик молча собирал на стол. Нарезал хлеб, выставил горячую отварную картошку и к ней миску с маринованными маслятами, куски небольшого осетра — кострюка, посыпанные солью и перцем. Запахло жирной ухой из стерляди, налитой в глубокие деревянные чашки. Золотисто-жёлтый бульон исходил паром, щекотавшим носы озябших на реке мужчин. Старик положил перед ними такие же расписные деревянные ложки, перекрестился и присел на лавку с краю стола.

— К чаю пироги с малиной подам, — придвигая к себе чашку с ухой, сказал он. Щеглов кинул на приятеля красноречивый взгляд: «А я что тебе говорил!». Синельников одобритительно крякнул:

— Эх, хорошо то как! Да с такой закусью с чаем мы повременим... У нас покрепче имеется. И отстегнул от пояса флягу с армянским коньяком. Нетерпеливо потёр ладони:

— Разливай, Санёк!

Дед Михаил, сославшись на плохое здоровье, от предложенной чарки отказался. Приглаживая бороду, молчаливо прихлёбывал уху, не поднимая глаз на сидящих перед ним гостей. Закончив трапезу, открыл дверцу печки, поворошил угли, подбросил в огонь несколько поленьев. Взял травяной матрац на дощатых нарах.

— Подниму рано... На Лебяжью протоку пойдём. Самый жор на зорьке начнётся. Не проспите, — сказал он. И чем-то озабоченный вышел на улицу.

— Странный какой-то дед... Будто напуган чем-то... Страх в глазах, — наблюдая, как булькает в кружку коньяк, сказал Синельников. — Совсем одичал старикан...

— Поживи тут один столько лет — не так одичаешь... Верующий он, — кивнул Щеглов на иконы, притуленные на полке в дальнем углу избы. — Не пьёт... Не курит... Не сквернословит... А рыбак славный... Завтра покажет такое ловчее местечко, что таскать шук устанешь...

Вошёл дед Михаил с веслом в руках. Синельников поднял кружку с коньяком.

— Ну, и ладушки... А мы выпьем! Сегодня, Санёк, наш с тобой праздник. День военно-морского флота!

При последних словах толстяка в матросском тельнике старик споткнулся, едва не выронив весло. Бросил быстрый взгляд на незнакомца и торопливо принялся скрестить весло. Скребок подрагивал в руке его. «Голос... Такой знакомый басок... Нет... Не может быть...»

— Давай, морпех, за тех, кто в море! Знаешь, как у нас, у подводников, говорят? «Выпьем за то, чтобы количество погружений всегда равнялось количеству всплытий!»

— А у нас, морпехов, свой тост: «За то, чтобы число ушедших на боевое задание равнялось числу вернувшихся с задания!»

Выпили. Помолчали. Каждый своё вспомнил. И хотя тишина вокруг, первозданная природа и жизнь прекрасна и удивительна, но почему-то обоим стало грустно и тоскливо. Где-то сейчас выполняет боевую задачу батальон Щеглова... Где-то вздымается в океанских волнах подводный ракетноносный крейсер Синельникова... Уже без них... Без батяни-комбата... Без кэпа-бати...

— За тех, кто на вахте, Илья!

— За тех, кто на боевом посту, Саня!

— С праздником, подводник!

— Взаимно, морпех!

Выпили. Закусили малосольным костриюком и маринованными грибочками.

— Хороша чушь, Илья! Во рту тает...

— Хороши грибки, Саня! Спасибо за них Михаилу... Простите... Как вас величать по батюшке? — спросил Синельников, оборачиваясь к старику. Тот ссутулился у печки, обхватив ладонями лохматую голову. При тусклом свете керосиновой лампы не видно было, как дрожали его плечи.

— Кушайте на здоровье, — глухо пробормотал дед Михаил.

«Подводник... Илья... Всё сходится... Он это... Живой! Боже мой! Столько лет прошло... Встретить его здесь? На необитаемом острове Диком? Невероятно! Не сон ли?! — билась в его голове ужасающая мысль.

Озноб колотил тело нервной дрожью. Как хотелось закричать во всю силу: «Я тоже подводник!» Как хотелось избавиться от бороды, от чужого имени, сесть вместе с ними за стол и отметить праздник. Но тяжкий груз вины неподъёмным камнем уже многие годы лежит на сердце, давит к земле, и нет силы распрямиться, освободиться от непосильной ноши.

— О, Господи, — в волнении со стоном выдохнул старик, и сидящие за столом гости недоумённо посмотрели в его сторону. Бывший комбат налил коньяк в кружки, с горечью произнёс:

— Скольких ребят потерял в Афгане... Я тогда взводным был... Пошли в разведку. В узком ущелье зажали нас «духи». Почти всех моих парней положили... Меня, раненого в обе ноги, вынес на себе сержант Коля Горовец. Провалился в госпитале я месяца три... Ротным назначили... Опять бой... Душманов — тьма! Прут, падлы, саранчой неисчислимой... Приказ — «Отходить!»... Коля Горовец с ручным пулемётом

залёг, прикрывать нас остался... Героя России ему потом присвоили... Посмертно... А я, вот, живу... Совесть меня мучает...

— Третий тост, комбат, пьём, не чокаясь... За тех, кто отдал жизнь за Отечество! За веру православную!

Выпили... Коньяк разогрел. Каждому не терпится рассказать что-то своё, наболевшее. Щеглов тактично молчит: черёд подводника высказаться. Спрашивает:

— А что, Илья, случались у вас эти самые несовпадения в количестве погружений и всплытий?

— А ты думаешь? Про «Курск» помнишь? Про «Комсомолец»? Пять наших атомных подлодок и два десятка дизельных утонули в годы так называемой «холодной войны» на море... А страшных аварий с человеческими жертвами и не счесть. За тех, кто не вернулся из боевого похода!

Выпили. Похрустели маринованными маслятами. Молодец, дед Михаил! Умеет готовить вкусно! Одни пироги с малиной чего стоят! Жарко в зимовье. Душно. Бывший кэп тельняшку с себя стянул, выпятил большой живот. На грудь свесился на суровой нитке алюминиевый крестик. Бывший комбат его примеру последовал, тоже тельник снял. На груди серебряный крестик на серебряной цепочке. На плече татуировка: в половинке спасательного круга, обрамлённого якорем, маяк, чайка над волной. Под ними подпись: «Краснознамённый ТОФ». Сидят рядом, обнявшись, два моряка. Два здоровых русских мужика. Офицер-подводник. Офицер — морской пехотинец. Братя, по духу. Братя во Христе.

— Отдрай, Саня, переборку... Душно, как в отсеке лодки во время плавания в тропических широтах...

Рыбинспектор толкнул ногой дверь. В её проёме серебрился серп луны, висящий над примолкшим лесом. Попискивал невидимый куличок. Куковала кукушка. В камышовой заводи крикала утка. На гладкие стволы свай шумно накатывались волны посвежевшей к ночи реки. Щеглов подкрутил подгоревший фитиль керосинки, вспыхнувшей на миг ярким пламенем, выхватившим из темноты в дальнем углу избы стоящего пред образами старца. Косая тень от его сутулой спины косматым пятном расплылась на белёной стене. Он беззвучно, одними губами шептал:

— Прости, Господи! Не ведал, что творил... Каюсь во грехе своём, не по злому умыслу, а по недомыслию моему содеянному... Пресвятая Богородица! До скончания дней моих буду испускать вину пред душами моряков загубленных из-за меня... Прости, Господи! Ниспослал ты мне Илью Синельникова, чтобы напомнить ещё раз о грехе моём... Каюсь, Господи... Что делать сейчас? Синельников опознает... Как пить дать завтра на свету опознает... Бежать?! Непременно бежать!

Старик растерянно схватил весло, выбежал за дверь, подтянул обласок. Плыть! Куда?! Непроглядная темень на реке... Волны разгулялись, холодный ветер крепчает. Без продуктов, снаряжения? Верная гибель! Нет, погодить до рассвета надо...

Так, размышляя, он вернулся в избу, примостился у печки на круглой чурке, много лет заменявшей стул. На ней подолгу просиживал, коротая длинные зимние ночи. Чинил одежду и сети, подшивал валенки, часто вспоминая о кошмаре могильного мрака и холода в отсеке затонувшей подлодки. И вот неожиданная встреча почти через полвека! Илья Синельников! Живой! Спасся, значит... Но как? Он один оставался в затопленном отсеке... Без дыхательного аппарата... Без всякой надежды на спасение...

— Дед Михаил! Не заболел? — окликнул его Щеглов. — Трясёшься, как в лихорадке... Лето на дворе, а тебя озноб бьёт... Выпей таблетку аспирина...

— Ничего... Пройдёт... С улицы я... Ветер холодный...

— Ну, и дальше... Вышли вы в море..., — напомнил Щеглов, поворотясь к Синельникову.

— Я тогда матросом был... Торпедистом на лодке—«дизельюхе» шестьсот тринадцатого проекта... Дружок у меня там был... Пашка Белоусов... После кулинарного училища на лодку коком пришёл. Какие пироги на дни рождений стряпал! Фантастика! Его койка в нашем первом отсеке была. Вместе в увольнение ходили на танцы в матросский клуб. Там и познакомились с девчонкой красивой. Влюбились в неё. Она, дурёха, не знает, кому предпочтение отдать. Оба мы весёлые, чубатые, симпатичные... Ты не смейся... Это я сейчас такой... Обидеть нас боится Светка... Стесняется сказать: «Не приходи, Илья!» Или наоборот: «Не приходи, Павел». А тут меня на другую лодку кинули. На подмену. Заболел у них торпедист. Обе лодки к выходу в море готовились. Мы с Пахой в те дни в ссоре были. Дружба трещину дала, в раздрай пошла. Из—за Светки, думаешь? Да, нет... Серьёзнее была причина. Решили пойти к Светке и прямо спросить у неё: «С кем дружить будет?» Пришли и говорим: «Так и так, в море уходим... Кого из похода ждать будешь?» Она смеётся, плечиками пожимает, русой косой поигрывает, шутит: «Кто раньше с моря воротится, тот и на свидание придёт». Пашкина лодка, та, на которой я раньше служил, на учебные стрельбы уходила. А эта, другая, в автономку собралась. Не скоро, понимаю, вернётся. Ну, я к начальнику политотдела бригады капитану первого ранга Кубасову. «Прошу, — говорю, — вернуть на свой корабль». «Что, — спрашивает, — автономки боишься?» «Да нет, — говорю...» И всю правду ему выложил. Про Светку, про условие её. Он выслушал, улыбнулся: «Любишь её?» «Очень», — отвечаю. А надо сказать, ещё до этого случая сделал я красивый парусник и подарил Кубасову. Комбриг увидел у него тот кораблик и попытаться стал: «Кто делал? Хочу иметь такой в своей каюте». Короче... Пошёл начпо к нему. Рассказал про меня, парусник комбригу пообещал. Тот немедленно приказал вернуть меня на мою лодку. Увидел меня в отсеке Паха, не обрадовался. А я ему: «Вот, фикушки ты вперёд меня к Светке явишься. Вместе придём». Вышли в море. Отработали торпедную атаку, отправились в базу. «Команде отдыхать. Третьей смене заступить на вахту», — передали по трансляции из центрального поста. Вдруг взрыв страшный потрянул так, что лампочки в плафонах погасли. Четвёртый отсек разворотило. Ближние к нему переборки центрального и пятого отсеков выбило. Вода в них хлынула. Люди там сразу все погибли. Лодка на грунт упала. Глубина — сто пятьдесят метров. Моряки из второго отсека к нам, в первый, перебрались. Вентили колонки аварийного всплытия открыли, продули балластные цистерны. Всплыли... С большим дифферентом на нос, поэтому торпедные аппараты и спасательный люк в воде остались. Сигнальный буй с лампой, телефоном и радиомаячком отдать не удалось: приварил его боцман, чтобы в походах не сорвало штормовыми волнами. Потеряли нас в штабе. Уверены мы, что ищут нас. Но скоро ли найдут? Вот вопрос... Лодка, принимая воду, теряла плавучесть. Офицеры, посоветовавшись, приняли решение выходить на поверхность, пока мы снова не ушли на глубину, пока есть воздух и плафоны аварийного освещения горят. Нос лодки почти у поверхности. Делов—то? Надеть прорезиненные костюмы с масками и дыхательные аппараты, включиться в них. Дать воздух в отсек из баллонов, создать противодействие забортной воде, затопить отсек, открыть крышки торпедных аппаратов и выйти через них. Задача, знакомая матросу—первогодку ещё с учебного отряда. Сколько раз выполняли её на тренировочной станции. Никто не сомневался в благополучном выходе. Однако, знали: там, наверху, зима, мороз трескучий, льды плавают. Долго в воде не продержаться. Капитан—лейтенант Ромашов, наш минёр, он же помощник командира корабля, приказал надеть пуховое бельё, водолазные рейтузы и свитера шерстяные

толстой вязки. Открыли жестяные ящики, в которых они хранились, а там пусто. Ни одного комплекта! Никто те ящики не проверял... Зачем? Пломбы на них... Кто бы мог подумать? Только я да Пашка знали, куда то аварийное бельё подевалось. Пашка его поворовал и работягам в порту продал. Ромашов кричит: «Боцман! Мерзавец! Не доглядел! Башку оторву!» Забыл, наверно, Ромашов, что в момент взрыва боцман в центральном посту на рулях сидел. До фени ему уже наши проблемы. В другой мир ушёл. Выяснять в той обстановке, что почём, уже некогда было. Счёт на минуты шёл. Свет аварийный совсем тусклым стал. Вот-вот погаснет. Смотрю, Пашка на своей койке возится, рейтузы надевает и свитер на себя прёт. Под матрацем их прятал, гад. Не успел продать. «Ах, ты сволочь, — сказал ему. — Не доложил командиру, как обещал». Тут свет потух. Коротнуло где-то. Больше я Пашку никогда не видел. Люди в полной темноте в одних робах влезали в спасательные костюмы, надевали аппараты, включались в них. Я пока с Пашкой ругался, свой аппарат прозевал. Не смог его отыскать. Мрак... Суматоха... Все толкуются... Скользят. Падают. Палуба, ведь, под крутым наклоном была. И крен на правый борт. Вдруг воздух высокого давления, врываясь в отсек, оглушительно загремел. Зашумела вода... Я не помню, как, наощупь, под самый подволок на верхнюю койку забрался. Одеяло на себя натянул. Крестик вот этот самый целовал и всё без умолку повторял: «Боже, спаси... Боже, спаси...» Не знаю сейчас, то ли помирить тогда собрался, то ли на чудо надеялся... В ушах дикая боль... Врачи потом удивлялись, как у меня барабанные перепонки не полопались. Дышать было невероятно трудно. Ощущение такое, как если дышать из накачанной автомобильной камеры... Казалось, грудь разрывается и голова разлетится. Какое-то время раздавались стуки выходящих на поверхность людей. Семнадцать человек... Их сразу обнаружил вертолёт, но шторм разбросал моряков. Одного только смогли лётчики поднять. Пока подошёл спасатель, остальные замёрзли...

— А как же ты? — спросил Щеглов.

— А мне уже было всё по барабану... Я потерял сознание. И это меня спасло. Лежал бездыханным, мало потреблял кислорода. Лодку скоро легко выровняли, корма из воды торчала. Водолазы меня нашли, поместили в барокамеру. Очнулся в госпитале. Намеревался после службы учителем физкультуры стать, да передумал... После той аварии в военно-морское училище заявление подал...

— Получается, ты знал о краже рейтуз и свитеров, но почему не сообщил командиру? — нетерпеливо перебил Щеглов.

— Как-то увидел я у Пашки пачку денег. Подивился: откуда у матроса столько денег? «От верблюда!», — ответил Пашка. И шепнул мне на ухо: «Промолчишь — половина твоя». Я тогда чтением Библии увлёкся. Да и сейчас, не скрою, люблю почитать. Помогает, знаешь ли, обходиться без трудно разрешаемых проблем. Так вот... Читаю ему из книги притчей Соломоновых стихи двадцать седьмой и двадцать восьмой главы шестой, где сказано: «Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?» Отмахнулся Пашка от меня. Я сначала подумал, что он дефицитные продукты налево толкает. Подводникам в те годы выдавали всякие деликатесы: колбасный фарш, сгущёнку, вино, шоколад, копчёную колбасу, шпроты, лосося в натуральном соку и многое другое. А потом случайно обнаружил в отсеке отогнутый край жестяного ящика для хранения аварийного водолазного белья. Он был пуст. В другие заглянул — та же история. Догадался: свитера Пашка повытаскал и загнал работягам в порту. Сказал ему: «Пойди и сознайся командиру. Это смягчит твою вину. А нет — я доложу». Пашка обещал признаться, но дни шли, а он всё помалкивал. Тогда я снова раскрыл Библию и прочитал ему притчи Соломона тридцатую и тридцать первую из

главы шестой: «Не спускают вору, если он крадёт, чтобы насытить душу свою, когда он голоден; Но, будучи пойман, он заплатит всемеро, отдаст всё имущество дома своего». «Да пошёл ты...» — сказал он мне тогда, разозлился и послал далеко. Стукачом обозвал. Вот тогда и разбежались мы. Но я его предупредил, что если сам не сознаётся, донесу на него. «Ладно, — пообещал он, — деваться некуда... Сдаюсь». Я поверил ему, а вскоре, как уже говорил, на другом корабле оказался. Не до украденных свитеров стало... И вообще позабыл о них. А когда вернулся на свою лодку, всё и случилось. Не пожалел бы я тогда жулика—Пашку, и семнадцать человек не погибли бы... Из кормовых отсеков не выходили... Там люди живы остались.

— А что же у вас случилось? Взрыв из-за чего произошёл? На мину времён войны с Японией напоролись?

— Да какая там мина?! Процентное содержания водорода превысило норму... Химик не досмотрел... Безалаберность... Аккумуляторные батареи водород выделяют... Не провентилировали... Водород взорвался.

— А Пашка? Тоже погиб?

— Жив негодяй остался... Это его вертолёт подобрал. Пашка сразу дал дёру из части. Больше его никто не видел. По факту аварии, унёсшей жизни двадцати восьми человек, велось расследование. Причину гибели шестнадцати подводников от переохлаждения легко установили. Кто-то из рабочих порта сообщил в военную прокуратуру о матросе по имени Павел, продавшем водолазные комплекты тёплого белья.

— А Светлана? Встречался с ней?

— Пока лечился в госпитале, не отходила от меня... Она работала там медсестрой... Сейчас жена моя...

— Вот как! Ну, а доведись, встретился бы тебе этот мерзавец Пашка... Простил бы его?

— Он загубил шестнадцать душ... Красивые, весёлые, крепкие парни отдали жизни из-за глупости и жадности этого подонка... Пусть бы он послушал крики и проклятия их матерей и жён на похоронах... Простят ли они его? Бог простит! А я бы ему в лицо плюнул... Однако, пора спать... Хозяин уже спит... И мы завалимся на боковую... Отбой, Саня!

Синельников улёгся на матрац, набитый сеном, и доски нар заскрипели под его грузным телом. Щеглов приставил ладонь к стеклу керосинки, дунул в него. Огонёк встrepенулся красным мотыльком и погас. Темнота поглотила убогую обстановку избы. Щеглов повозился, укладываясь поудобнее, и засопел. Поворочался, скрючившись на лавке, дед Михаил. Флотские ветераны скоро захрапели, чему способствовали почтенный возраст, усталость, обильная еда и выпивка. Под настилом плескалась вода. На чердаке скреблись мыши, пробравшиеся в избу зимой по льду скованной

морозом реки. Потрескивали догоравшие в печке берёзовые дрова. Подкладка ватника, подложенная стариком себе под голову, взмокла от душивших его слёз. Жалость к самому себе из-за никчёмной жизни на острове Диком, затерянном среди протоков и бескрайних плёсов, страх возмездия и неминуемой расплаты глухими стонами вырывалась из старческой груди. Нет, он не может больше жить здесь одичалым зверем, слышать зимними ночами леденящие душу завывания волков... Скрываться под чужим именем... Жить без паспорта... Без семьи. Прозябать в одиночестве, на которое обрёк себя бездумными, постыдными поступками... Украл комплекты водолазных реикуз и свитеров. Пуховых, шерстяных... Без труда нашёл покупателя. Тот рассказал о покупке другому... И уже подходят и прсят: «Паша, достань и мне такой... Ценная вещь... Хорошо заплачу». И он воровал спасательное бельё из жестяных аварийных ящиков, опломбированных, но рука пролезала под крышку... Достаточно было лишь чуть отогнуть её... Илья заметил, пригрозил... Заставлял сознаться... Послушал бы его... Получили бы новое бельё, не погибли бы товарищи... Ну, дали бы год дисбата... Ну, два... А может, учли бы чистосердечное признание и раскаяние... И не терзал бы себя все эти годы страхом, стыдом, отчаянием за погубленные души...

В непроглядной темени избы легко представить себя в тусклом и холодном отсеке, вновь ощутить панический ужас перед его затоплением, рёв воздуха высокого давления. И словно наяву виделось перекошенное страхом лицо Ильи, не нашедшего дыхательный аппарат. Вновь в ушах звенели слова проклятий подводников в адрес вора, укравшего тёплые вещи из аварийных ящиков. У кого-то сдали нервы, и вопль страха слился с грохотом воздушной струи... Кто кричал? Илья? Он один оставался в затопляемом отсеке... В памяти всплыл военный вертолёт... Канат, на котором втянули в салон... Иллюминатор... Кипящее внизу белой пеной Берингово море... Красный буй, сброшенный с вертолёта на месте аварии... Зелёная, в пятнах ржавчины, корма подлодки, торчащая из пенистого моря... Болтающееся в волнах спасательное судно...

Старик поднялся, зажёл лампу. Гости безмятежно спали, и спокойный их сон был крепок. Он бросил в обласок сети, пилу, топор, коробку с гвоздями и мелкими инструментами. Достал из чулана мешок с провизией, кресало и кремень для разжигания огня и уложил в лодке, закрепив всё верёвкой. Сходил в избу и воротился с ведром, полным посуды. Ворох одежды, одеяло, накинутое сверху и утянутое капроновым шнуром, завершили поклажу. Он постоял, поразмыслил, не забыл ли чего, и кинулся в избу. Снял с полки две иконы, бережно обернул их полотенцем и задул лампу. Ярко поёживаясь от речной прохлады, старик надел плащ и взялся за весло. Мысль, что утром придётся сидеть лицом к лицу с Ильёй, обжигала, торопила его.

— Не простил, — тихо, как привык разговаривать с самим собой, проговорил он. — Да и можно ли простить?

Старик глянул в небо и простёр руки к нему:

— Прости, Боже! Каюсь во грехе своём. Не ведал, что творил... Вину искуплю...

Близился рассвет. Бледно-розовая полоска зари на восточном небосклоне окрасилась в малиновый цвет. Над тихой сонной рекой плыл туман. В его белесых облачках чернела одинокая лодка с призрачной, размытой утренней дымкой фигурой старика. Больше на острове Диком его никто не видел.